

Ф.М. Достоевский

Письма (1876)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Д70

Д70 **Достоевский Ф.М.**
Письма (1876) / Ф.М. Достоевский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
198 с.

ISBN 978-5-4241-1581-3

Ф. М. Достоевский принадлежит к числу самых знаменитых писателей XIX века. И в наши дни его произведения читаются с тем же неослабевающим интересом, что и при его жизни. Романы "Преступление и наказание", "Идиот", "Бесы", "Братья Карамазовы" знают во всех странах мира.

ISBN 978-5-4241-1581-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Ф.М. Достоевский, 2021

Достоевский Федор
Михайлович
Письма (1876)

1876.

602. Н. П. ВАГНЕРУ

2 января 1876. Петербург

2 января/75. (1)

Многоуважаемый Николай Петрович, от всего сердца благодарю Вас за Ваш привет и за поздравление с Новым годом мне и жене моей. Поздравляю Вас и супругу Вашу, желаю всего лучшего (ибо к чему же стремиться человеку, как не к лучшему!) и да хранит бог Вашу дорогую Вам семью. Мы еще мало знакомы, а я уже видел от Вас много теплого, и поверьте, что ценю это.

В доме у меня до сих пор плохо. Болен Федя scarлатиной с тифом вот уже 4 недели, а теперь ему опять хуже. Но перенесет еще несколько дней, и если не беда - то несомненно ему будет лучше, так как болезнь эта имеет свои строгие законы развития. Но только б не случилось беды! За другого же ребенка (за Лилию) я не беспокоюсь: scarлатина была из очень легких. Анна Григорьевна теперь почти здорова, но страшно устала и расстроена нервами, должно быть, и я тоже.

Ваше известие об интересном госте из Англии прочел с большим удовольствием - и авось к тому времени я уже смогу выйти к людям. (Семейным; не семейных я и теперь посещаю).

"Дневник писателя" будет, что будет. Когда выйдет - непременно Вам пришлю №. А теперь так расстроен, что даже и заниматься "Дневником" не в силах. До свидания. Крепко жму Вам руку. Глубокий мой привет Вашей супруге, а моя Вам кланяется.

Весь Ваш Ф. Достоевский.

P. S. Одна большая просьба. Если приедет гость еще прежде, чем я буду у Вас или извещу Вас о себе, то черкните мне только два слова, что он приехал.

Д<остоевский>.

(1) описка, следует: 76.

603. Н. П. ВАГНЕРУ

7 января 1876. Петербург

7 января/76.

Многоуважаемый Николай Петрович,

Я не ответил Вам сию минуту на добрейшее и полное сочувствия письмо Ваше, но я ждал окончательного решения судьбы, и теперь вижу и, кажется, знаю, что бог нас помиловал: мальчик вдруг, среди ночи, повеселел, встал в своей кроватке, спросил есть, начал с нами разговаривать и смеяться; и вот с тех пор уже более суток просит есть с жадностью и потом спит по 8 часов сряду. И хоть симптомы продолжают, но на исходе, и доктор не нарадуется и отвечает за жизнь безусловно. Что же до девочки, то она давно уже ходит и играет по всем комнатам. Одним словом, мы вздохнули...

604. П. А. ИСАЕВУ

7 января 1876. Петербург

Петербург. 7 января 76

Любезнейший Павел Александрович, я посылаю тебе просимые 30 р<ублей>. Ты так подробно описал свою болезнь, что теперь полагаю, конечно, уже здоров. Тришины говорили мне, что ты и в октябре пролежал две недели. С новым годом желаю тебе побольше счастья и получше здоровья.

Ты пишешь, что писал ко мне два письма. Я ни одного не получал, да и признаюсь тебе, это даже невероятно: почему всякое письмо ко мне доходит, а твои два ко мне не дошли?

Еще скажу тебе, Павел Александрович, что посылаю тебе из последних моих денег. Кончив работу и выбрав за нее всё, я (1) к настоящей минуте почти без гроша. Я никакого журнала не издаю, я хотел бы издавать сочинение и, не имея к тому средств, думаю издать по подписке. Но подписка только что объявлена, и совсем неизвестно, (2) окуплю ли я не только труд мой, но даже издание?

Вот почему, посылая тебе 30 р<ублей>, отымаю у несчастных детей моих. Я знаю, что скоро умру, а когда они останутся без меня, то ни одна рука не подаст им гроша. Я же продолжал до сих пор платить старые долги по журналу и еще месяц тому назад заплатил 1100 р<ублей> Евг<ению> Печаткину, за поставленную на журнал десять лет назад бумагу, по документам, принятым мною на себя за чужих. За это я получил только швырка. Сверх того, слышал, что в Москве осуждали меня за то, что "я тебя бросил и тебе не помогаю". Позволь тебя спросить, я ли не помогал тебе и деньгами, и ходя кланяться за тебя иногда таким лицам, которые моего посещения не стоят, а через тебя принимали меня свысока? Не десятки ли раз я лично и через людей рекомендовал тебя на места? Я ль виноват, что ты нигде не мог удержаться.

Когда твоя мать умирала, то сказала мне: "Не оставь Пашу". Я тебя не оставлял до сих пор, но теперь тебе близ 30-ти лет (3) и в обстоятельствах твоей жизни виноват не я. Полагаю, что могу уже больше и не помогать тебе, имея своих маленьких детей, ничем неповинных. Это знай.

Я полагаю, что с тобой происходит нечто странное: заранее уведомляешь, что хочешь и получишь деньги, но отвечать не будешь потому, что завален делами. Но ведь это дико.

Если ты забыл поклониться в письме жене моей, то мог бы хоть прислать поцелуй моим детям. Они лежат теперь в scarлатине, и Федя целую неделю был при смерти.

До свидания.

Твой искренний *Ф. Достоевский*.

Я знал, что Мих<аил> Михайлович собирался в Москву, но что он уже ездил и приехал назад, о том ничего не слышал. Детей твоих очень целую.

(1) далее было: ровно

(2) вместо: совсем неизвестно - было: вряд ли

(3) вместо: близ 30-ти лет - было: 30 лет

605. Вс. С. СОЛОВЬЕВУ

11 января 1876. Петербург

11 января/76.

Многоуважаемый и дорогой Всеволод Сергеевич, у меня до сих пор карантин (хотя дети выздоравливают), и вот почему я к Вам до сих пор не заходил. Мысль

Ваша пустить в публику несколько сведений о "Дневнике писателя", конечно, очень мне нравится (сами можете это представить), но в настоящую минуту ничего еще почти не могу сообщить Вам, кроме самого общего. В 1-м № будет, во-первых, самое маленькое предисловие, затем кое-что о детях - о детях вообще, о детях с отцами, о детях без отцов в особенности, о детях на елках, без елок, о детях преступниках... Разумеется, (1) это не какие-нибудь строгие этюды или отчеты, а лишь несколько горячих слов и указаний... Затем о слышанном и прочитанном, - всё (2) или кое-что, поразившее меня лично за месяц. Без сомнения, "Дневник писателя" будет похож на фельетон, но с тою разницею, что фельетон за месяц естественно не может быть похож на фельетон за неделю... Тут отчет о событиях, (3) не столько как о новости, сколько о том, что из него (4) (из события) останется нам более постоянного, более связанного с общей, с цельной идеей. Наконец, я вовсе не хочу связывать себя даванием отчета... Я не летописец; это, напротив, совершенный дневник в полном смысле слова, то есть отчет о том, что наиболее меня заинтересовало лично, - тут даже каприз. Сам не знаю, добрейший Всеволод Сергеевич, выйдет ли что-нибудь путное, порой кажется, что напрасно взялся; а, впрочем, что бог пошлет, только (между нами это) почти ни одной строки еще не написано! Матерьялов же (на 1-й №) собрано и записано более чем на 4 (6) печатных листа.

Спасибо за пожелание здоровья "Дневнику". Я же желаю здоровья Вам и семейству Вашему, а статьи Ваши и без того довольно здоровы. Некоторые из них приятно поразили меня своею обдуманностью (NB. Совсем не потому, что Вы обо мне писали, за что, впрочем, Вам благодарен.)

Извините за помарки, страшно спешу. До свидания, голубчик, крепко жму Вашу руку.

Ваш весь *Ф. Достоевский*.

"Голос" (воскресенье 11-е января) публикует (в объявлениях) о том, что печатается книга "Исторические исследования и статьи К. П. Победоносцева". Вот об чем упомяните непременно. Это должно быть нечто чрезвычайно серьезное, прекрасное и любопытное очень. Я жду чего-нибудь очень важного от этой книги. Это огромный ум. Выйдет в конце января.

В конце же января появится (5) в "Р<усском> вестнике" "Анна Каренина" - вот Вам и есть об чем поговорить, о близком появлении этих 3-х вещей. А "Подросток" выйдет в свет 16-го января. Так мне сказал издатель Кехрибарджи.

Д<остоевский>.

- (1) далее было: все статьи
- (2) далее было: что
- (3) было: не столько о событиях
- (4) было: в нем
- (5) было: появятся

606. В. К. АБАЗЕ

3 февраля 1876. Петербург

3 февраля/76.

Милостивый государь Василий Константинович,

Не беспокойтесь, я деньги получил из магазина Базунова аккуратно. Возврат

щаю Вам билет.

"Дневник" январь выслал Вам в Верхнеднепровск по Вашему адресу.

P. S. О Базунове я слышал двояко, и сам не знаю, на чем остановиться. Есть слухи, его оправдывающие. Во всяком случае магазин продолжит дела и до времени я оставляю там подписку. Впрочем, вероятнее, что он бежал, обманув люд; но магазин кому-то сдан.

С истинным уважением имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Ф. Достоевский.

607. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

4 февраля 1876. Петербург

4 февраля/76.

Многоуважаемый Яков Петрович,

Благодарю за привет и рад, что от Вас. К Вам собираюсь месяца три, но всё разные хлопоты, доходившие до мучений, мешали. "Дневником" моим я мало доволен, хотелось бы в 100 раз больше сказать. Хотел очень (и хочу) писать о литературе и об том именно, о чем никто с тридцатых еще годов ничего не писал: О ЧИСТОЙ КРАСОТЕ. Но желал бы не есть с этими темами и не утопить "Дневник". В четыре дня продал 3000 экземпляров в Петербурге. Что же до Москвы и до городов, то не знаю, продается ли там хоть один экземпляр, так это не организовано, и к тому же все буквально не понимают, что такое "Дневник" - журнал или книга? Но о "Дневнике" потом. Ну, как можно, скажите, так всё хворать? А давно я Вас не видел. Непременно зайду на днях. А теперь еще раз благодарю за письмо.

Весь Ваш *Ф. Достоевский.*

P. S. Да кем же нам и быть, как не одинако<во>го (1) пошиба людям?

(1) было: одного

608. Н. Ф. ЮШКОВУ

5 февраля 1876. Петербург

Петербург. 5 февраля/76.

Милостивый государь,

Я вполне сочувствую всему, что Вы написали о Вашей деятельности как редактора "Каз<анских> губерн<ских> ведомостей", и всегда смотрел на развитие сил нашей окраинской прессы как на указатель общего развития сил нашей родины. Дело это еще в будущем, но людей твердых и с ясными взглядами на дело желательно бы иметь заране, и письмо Ваше я прочел с большим удовольствием.

Высылаю Вам желаемые Вами два экземпляра моего "Дневника" и 10 на комиссию. Казань - город чуть не в 100000 жит<елей>. Может, что и сделаете с "Дневником". Здесь в Петербурге он имел успех для меня (1) неожиданный в эти первые 5 дней по появлении.

Остаюсь готовый к услугам

Ваш *Ф. Достоевский.*

(1) было: даже для меня

609. Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ

Петербург 3 марта/76.

Глубокоуважаемая Христина Даниловна!

Позвольте мне поблагодарить Вас за Ваш искренний и радушный привет. Писателю всегда милее и важнее услышать доброе и ободряющее слово прямо от сочувствующего ему читателя, чем прочесть какие угодно себе похвалы в печати. Право, не знаю, чем это объяснить: тут, прямо от читателя, - как бы более правды, как бы более в самом деле. Итак, благодарю Вас и если несколько опоздал ответом, то потому, что уж очень работал над февральским выпуском и едва успел к сроку.

Примите уверение самого глубокого к Вам уважения.

Ваш слуга *Федор Достоевский*.

На конверте: В Харьков. Ее Высокородию Христине Даниловне Алчевской.

610. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

10 марта 1876. Петербург

Петербург, 10 марта/76.

Милый и многоуважаемый брат Андрей Михайлович, посылаю тебе мою весьма беспорядочно изданную книгопродавцем Кехрибарджи книгу. Издал, объявил в газетах, заложил куда-то издание и только через 2 месяца пустил в продажу, что повредило книге. О себе скажу, что очень занят постоянно, взял даже не по силам дело. Издаю "Дневник писателя", подписка не велика, но покупают отдельно (по всей России) довольно много. Всего печатаю в 6000 экземплярах и все продаю, так что оно, пожалуй, и идет. Анна Григорьевна мне помогает, но до того истощено ее здоровье (особенно кормлением ребенка), что я за нее стал серьезно бояться. С твоими детьми иногда вижусь. Я, голубчик брат, хотел бы тебе высказать, что с чрезвычайно радостным чувством смотрю на твою семью. Тебе одному, кажется, досталось с честью вести (1) род наш: твоё семейство примерное и образованное, а на детей твоих смотришь с отрадным чувством. По крайней мере, семья твоя не выражает ординарного вида каждой среды и середины, а все члены ее имеют благородный вид выдающихся лучших людей. Заметь себе и проникнись тем, брат Андрей Михайлович, что идея непременно и высшего стремления в лучшие люди (в буквальном, самом высшем смысле слова) была основною идеей и отца и матери наших, несмотря на все уклонения. Ты эту самую идею в созданной тобою семье твоей выражаешь наиболее из всех Достоевских. Повторяю, вся семья твоя произвела на меня такое впечатление. Семья брата Миши очень упала, очень низменна, необразованна. Моя же так мала, что и не знаю, что будет. Чрезвычайно бы хотел прожить лет хоть 7 еще, чтоб хоть немного ее устроить и поставить на ноги. Да и мысль, что детки мои будут помнить мое лицо, по смерти моей, была бы мне очень приятна. Желая тебе всякого счастья. Целую руку и дружески (2) жму ее у твоей жены. Детям твоим обо мне напомни. Мои выздоровели, берегу их. Какая миленькая девочка у Рыкачевых. Мы у них были, и мне на них было очень приятно смотреть. Дочка твоя была у меня на днях. Я же сам захворал лихорадкой и вот уже 5-й день сижу дома и принимаю хинин, и всё идет благополучно. Анна Григорьевна Вам от души кланяется.

А пока твой весь *Ф. Достоевский*. (3)

(1) было: продолжить

(2) было: крепко

(3) ниже рукой А. Г. Достоевской приписано: "Мне очень приятно подтвердить всё то, что написал Вам муж, а вместе с тем и повторить уверение в самом искреннем моем уважении и привязанности моей к Вам и к семейству Вашему. Анна Достоевская".

611. М. А. АЛЕКСАНДРОВУ

29 марта 1876. Петербург

29.

Многоуважаемый Михаил Александрович,

Даю еще два полулиста оригиналу (30 и 31). Тот оригинал, который Вы получили вчера, 28-го, в 8 часов утра, не был еще набран вечером в 7 часов. Сделайте одолжение, Михаил Александрович, распорядитесь. Не жертвуйте мною "Гражданину".

Завтра днем же, в 6 часов, доставлю еще оригиналу, а 30 утром в 8 часов доставлю окончание.

Ради бога, не утопите.

В<аш> Ф. Достоевский.

612. Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ

9 апреля 1876. Петербург

Петербург. 9 апреля/76.

Глубокоуважаемая Христина Даниловна! (1)

Очень прошу Вас извинить, что отвечаю Вам не сейчас. Когда я получил письмо Ваше от 9 марта, то уже сел за работу. Хотя я и кончаю работу примерно к 25-му месяца, но остаются хлопоты с типографией, затем с рассылкой и проч<ее>. А нынешний месяц к тому же заболел простудой, да и теперь еще не выздоровел.

Письмо Ваше доставило мне большое удовольствие, особенно приложение главы из Вашего дневника; это прелесть; но я вывел заключение, что Вы одна из тех, которые имеют дар "одно хорошее видеть".

Про приют г-жи Чертковой я, впрочем, ничего не знаю (но узнаю при первой возможности); я верю, что всё так и есть, как Вы написали, но может быть, рядом есть и что-нибудь нежелательное, - этого Вы не хотели заметить. Всё это рисует характер, и я слишком Вас уважаю за эту самую черту. Кроме того, вижу, что Вы сама - из новых людей (в добром смысле слова) - деятель, и хотите действовать. Я очень рад, что познакомился с Вами хоть в письмах. Не знаю, куда меня пошлют на лето доктора: думаю, что в Эмс, куда езжу уже два года, но, может быть, и в Эссенцуки, на Кавказ; в последнем случае, хоть, может быть, и крюку сделаю, а заеду в Харьков, на обратном пути. Я давно уже собирался побывать на нашем юге, где никогда не был. Тогда, если бог приведет и если Вы мне сделаете эту честь, познакомимся лично.

Вы сообщаете мне мысль о том, что я в "Дневнике" разменяюсь на мелочи. Я это уже слышал и здесь. Но вот что я, между прочим, Вам скажу: я вывел неотразимое заключение, что писатель - художественный, кроме поэмы, должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность. У нас, по-моему, один только блистает этим - граф Лев Толстой. Victor

Hugo, которого я высоко ценю как романиста (2) (за что, представьте себе, покойник Ф. Тютчев на меня даже раз рассердился, сказавши, что "Преступление и наказание" (мой роман) выше "Misérables"), хотя и очень иногда растянут в изучении подробностей, но, однако, дал такие удивительные этюды, которые, не было бы его, так бы и остались совсем неизвестными миру. Вот почему, готовясь написать один очень большой роман, я и задумал погрузиться специально в изучение - не действительности, собственно, я с нею и без того знаком, а подробностей текущего. Одна из самых важных задач в этом текущем, для меня, например, молодое поколение, а вместе с тем современная русская семья, которая, я предчувствую это, далеко не такова, как всего еще двадцать лет назад. Но есть и еще многое кроме того.

Имея 53 года, можно легко отстать от поколения при первой небрежности. Я на днях встретил Гончарова, и на мой искренний вопрос: понимает ли он всё в текущей действительности или кое-что уже перестал понимать, он мне прямо ответил, что многое перестал понимать. Конечно, я про себя знаю, что этот большой ум не только понимает, но и учителей научит, но в том известном смысле, в котором я спрашивал (и что он понял с 1/4 слова. NB. Это между нами) он, разумеется, - не то что не понимает, а не хочет понимать. "Мне дороги мои идеалы и то, что я так излюбил в жизни, прибавил он, я и хочу с этим провести те немного лет, которые мне остались, а штудировать этих (он указал мне на проходившую толпу на Невском проспекте) мне обременительно, потому, что на них пойдет мое дорогое время"... Не знаю, понятно ли я Вам это выразил, Христина Даниловна, (3) но меня как-то влечет еще написать что-нибудь с полным знанием дела, вот почему я, некоторое время, и буду штудировать и рядом вести "Дневник писателя", чтоб не пропадало даром множество впечатлений. Всё это, конечно, идеал! Верите ли Вы, например, тому, что я еще не успел уяснить себе форму "Дневника", да и не знаю, налажу ли это когда-нибудь, так что "Дневник" хоть и два года, например, будет продолжаться, а всё будет вещь неудавшеюся. Например: у меня 10-15 тем, когда сажусь писать (не меньше); но темы, которые я излюбил больше, я поневоле откладываю: места займут много, жару много возьмут (дело Кронеберга, например), №-ру повредят, будет неразнообразно, мало статей; и вот пишешь не то, что хотел. С другой стороны, я слишком наивно думал, что это будет настоящий дневник. Настоящий дневник почти невозможен, а только показной, для публики. Я встречаю факты и выношу много впечатлений, которыми очень бываю занят, - но как об ином писать? Иногда просто невозможно. Например: вот уже три месяца, как я получаю отовсюду очень много писем, подписанных и анонимных, - всё сочувственные. Иные писаны чрезвычайно любопытно и оригинально, и к тому же всех возможных существующих теперь направлений.

По поводу этих всех возможных направлений, слившихся в общем мне приветствии, я и хотел было написать статью, и именно впечатление от этих писем (без обозначения имен). К тому же тут мысль, всего более меня занимающая: "в чем наша общность, где те пункты, в которых мы могли бы все, разных направлений, сойтись?". Но, обдумав уже статью, я вдруг увидал, что ее, со всею искренностью, ни за что написать нельзя; ну, а если без искренности - то стоит ли писать? Да и горячего чувства не будет.

Вдруг, третьего дня, утром, входят ко мне две девицы, обе лет по 20. Входят

и говорят: "Мы хотели с Вами познакомиться еще с поста. Над нами все смеялись и сказали, что Вы нас не примете, а если и примете, то ничего с нами не скажете. Но мы решили попытаться, и вот пришли, такая-то и такая-то". Их приняла сначала жена, потом вышел я. Они рассказали, что они студентки Медицинской академии, что их там женщин уже до 500 и что они "вступили в академию, чтобы получить высшее образование и приносить потом пользу". Этого типа новых девиц я не встречал (старых же нигилисток знаю множество, знаком лично и хорошо изучил). Верите ли, что редко я провел лучше время, как те два часа с этими девицами. Что за простота, натуральность, свежесть чувства, чистота ума и сердца, самая искренняя серьезность и самая искренняя веселость! Через них я конечно познакомился со многими, такими же, и признаюсь Вам - впечатление было сильное и светлое. Но как описать его? Со всею искренностью и радостью за молодежь невозможно. Да и личность почти. А в таком случае, какие же я должен заносить впечатления?

Вчера вдруг узнаю, что один молодой человек, еще из учащихся (где - не могу сказать), и которого мне показали, будучи в знакомом доме, зашел в комнату домашнего учителя, учившего детей в этом семействе, и, увидав на столе его запрещенную книгу, донес об этом хозяину дома, и тот тотчас же выгнал гувернера. Когда молодому человеку, в другом уже семействе, заметили, что он сделал низость, то он этого не понял. Вот Вам другая сторона медали. Ну как я расскажу об этом? Это личность, а между тем тут не личность, тут характерен был особенно, как мне передавали, тот процесс мышления и убеждений, вследствие которых он не понял, и об чем можно было бы сказать любопытное словцо.

Но я заболтался, к тому же я ужасно не умею писать писем. (4) Простите и за почерк, у меня грипп, болит голова и нынешний день - лом в глазах, потому пишу, почти не видя букв.

Позвольте пожать Вам руку и сделайте мне честь считать меня в числе многих глубоко уважающих Вас людей.

Примите в том мои уверения.

Ваш слуга *Федор Достоевский*.

(1) было: Давыдовна

(2) было: романтика

(3) было: Давыдовна

(4) было: письма

613. П. В. БЫКОВУ

15 апреля 1876. Петербург

Петербург, 15 апреля/76.

Милостивый государь Петр Васильевич,

Простите, что долго не отвечал на письмо Ваше от 18 марта: или был занят, или нездоров. Благодарю Вас сердечно за Ваши хорошие слова обо мне. Что касается до Вашего предложения прислать Вам мою точную биографию, то прямо Вам заявляю, что в настоящее время к тому не способен. Это возьмет у меня много времени и даже труда, и для меня это не так легко, как Вы думаете. Вследствие падучей моей болезни, которая, впрочем, почти уже меня не беспокоит, я отчасти потерял память и - верите ли - забыл (буквально забыл, без малейшего преувеличения) сюжеты моих романов и лица, выведенные, даже